

УДК 821.161.1.0

ВЕРА МЕРКУРЬЕВА – ПЕРЕВОДЧИЦА АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

ЖАТКИН Дмитрий Николаевич,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенский государственный технологический университет

АННОТАЦИЯ. В статье, написанной на основе материалов Российского государственного архива литературы и искусства, впервые целостно осмысливается творческая деятельность В.А. Меркурьевой как переводчицы английских поэтов. Рассмотрены обстоятельства, побудившие В.А. Меркурьеву обратиться к интерпретации произведений из сборника Дж. Г. Байрона «Часы досуга», приведены тексты неопубликованных ранее переводов, неизвестная рецензия на них, написанная Д. Мирским для издательства «Academia», письмо С.В. Шервинского Л.Б. Камeneву от 28 июля 1934 г., выражавшее поддержку В.А. Меркурьевой. Осмыслены факты, связанные с подготовкой и изданием в 1937 г. книги переводов В.А. Меркурьевой из П.Б. Шелли, отмечена ее работа над оставшимся незавершенным переводом «Раскованного Прометея» П.Б. Шелли в последние месяцы жизни во время нахождения в эвакуации в Ташкенте в 1942 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В.А. Меркурьева, художественный перевод, поэзия, русско-английские литературные связи, традиция, межкультурная коммуникация.

ZHATKIN D.N.,

Dr. Philolog. Sci., Professor, Head of the Department of Translation and Methods of Translation, Penza State Technological University

VERA MERKURIEVA: TRANSLATOR OF THE ENGLISH POETS

ABSTRACT. In the article written on the basis of the Russian State Archive of Literature and Art materials, V.A. Merkurieva's creative work as a translator of the English poets is considered as a whole for the first time. The circumstances that prompted V.A. Merkurieva to resort to interpretation of George Gordon Byron's collection of poems "Hours of idleness" are analyzed. Previously unpublished translations and D. Mirsky's unknown review written for «Academia» publishing house, S.V. Shervinsky's letter to L.B. Kamenev dated July 28, 1934 sent in support of V.A. Merkurieva are focused on. Facts related to the preparation and publication of V.A. Merkurieva's P.B. Shelley translation book in 1937 are paid attention to. Her work on the unfinished translation of P.B. Shelley's "Prometheus Unbound" in the last months of her life after evacuation to Tashkent in 1942 is discussed.

KEY WORDS: V.A. Merkurieva, literary translation, poetry, Russian-English literary relations, tradition, intercultural communication.

Б лагодаря исследованиям М.Л. Гаспарова конца 1980-х – начала 1990-х гг. [1, с. 149–159; 2, с. 113–126; 3, с. 5–97; см. также: 4, р. 97–102; 5, с. 31–32] из небытия была возвращена талантливая поэтесса круга Вяч. И. Иванова Вера Александровна Меркурьева (1876–1943). Осуществив публикацию некоторых стихотворений В.А. Меркурьевой, М.Л. Гаспаров не успел подготовить их отдельного издания, которое вышло в издательстве «Водолей» (в ту пору – «Водолей Publishers») уже после смерти ученого стараниями В.А. Резвого, не только составившего книгу, представляющую собой практически полное собрание оригинальных стихотворений В.А. Меркурьевой, но и подготовившего подробные примечания [см.: 6].

Наряду с оригинальной поэзией Вера Меркурьева оставила после себя и художественные переводы. К регулярным занятиям переводом она пришла сравнительно поздно, после того как в 1932 г. переехала из Владикавказа в Москву, где бытовая неустроенность, постоянная нехватка денег (вплоть до их полного отсутствия) разрушали ее внутренний мир. Друзья, среди которых нужно особо назвать С.В. Шервинского, посоветовали В.А. Меркурьевой

сделать переводы, помогли найти выходы на издательства, способствовали ее вступлению осенью 1933 г. в Московский горком писателей. Переводческая деятельность В.А. Меркурьевой началась с Дж. Г. Байрона, в издании нового сборника которого было заинтересовано издательство «Academia». Поэтесса осуществила несколько пробных переводов – «Оскар из клана Альва», «М.С.Дж.» («Если ваша любовь мне приснится во сне...»), «Последнее прощай», «Слеза», «Изменившей», «К Мэри при получении ее изображения», которые были даны на рецензию вернувшемуся из эмиграции критику Д. Мирскому (Д.П.Святополк-Мирскому), его отклик обнаружен нами в фонде издательства «Academia» в Российском государственном архиве литературы и искусства. Имеет смысл привести текст целиком по двум причинам: во-первых, именно этот отзыв, «забравший» практически все переводы В.А. Меркурьевой (за исключением «Оскара из клана Альва») и «выразивший» сомнение в художественной ценности самих байроновских оригиналов, стал основанием для отказа в публикации; во-вторых, в последние годы ведется активная работа по систематизации наследия Д. Мирского

(Дж. Смит, О.А. Коростелев, М.В. Ефимов), подготовлен сборник, максимально широко представивший тексты этого известного литературного критика и историка литературы, а также подробнейшие материалы к его библиографии [см.: 7], в связи с чем любое, даже и не очень значительное дополнение к теме, может представлять интерес.

Байрон, из книги *Часы досуга*,
перевод В. Меркурьевой

Перевод баллады *Оскар из клана Альва* превосходен. Хороший стих, точность передачи, хорошая передача перебоев ритма. Отдельные неловкости легко устранимы. Неправильен перевод заглавия – надо *Оскар Альвский*. Альва – название местности, а не клана. «Alva's clan» (строфа 7) значит «клан, владеющий Альвой».

Другие переводы хуже. В передаче трехсложных размеров переводчица не считалась с подлинником, допуская двухсложные стопы, где Байрон строго придерживается равностопной метрики XVIII в. («М.С.Дж.», «Слеза»). В четырехсложных стихах не выдержан синтаксический параллелизм полустий:

Легко неприязнь лицемеру, боязнь
Улыбкою скрыть показной.

Байрон не позволяет себе такого синтаксического членения стиха. Много неловкостей, граничащих с непонятностью, вследствие неумения уложиться в данное число слогов. Например:

Мрамор, там не стань – тщеславию в дань, –
Где величие скорбной грозы

или

Когда б, как был тому залог,
Одной судьбой мы жили двое.

Возникает вопрос, стоит ли переводить полностью на русский язык все эти совершенно ученические стишки, в которых нет ни раннего мастерства лицейских стихов Пушкина, ни глубокой искренности молодого Лермонтова? Можно было бы ограничиться *Оскар из клана Альва*. [8, л. 162].

Отметим, что два примера переводческих неудач были взяты Д. Мирским из стихотворения «Слеза», по иронии судьбы оказавшимся в скором времени единственным опубликованным переводом В.А. Меркурьевой из Дж. Г. Байрона. На «Слезу» обратил внимание академик М.Н. Розанов, осуществлявший подготовку двух книг Байрона – «Избранные произведения в одном томе» (М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935) и «Лирика и сатира» (М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935), в которых она и была напечатана, причем в обоих изданиях отмечена звездочкой как новый, впервые публикуемый перевод [9, с. 20–21; 10, с. 32–33]. Только по выходным данным этих книг можно установить, что первая публикация состоялась все же в «Избранных произведениях в одном томе» (сдано в набор 23 февраля 1935 г., подписано в печать 14 августа 1935 г.), а не в «Лирике и сатире» (сдано в производство 5 июля 1935 г., подписано в печать 29 ноября 1935 г.). Разночтений в двух публикациях не обнаружено, кроме вариативности в названии стихотворения: в одном случае – «Слеза» (The Tear, 26 октября 1806 г.) [9, с. 20], в другом случае – «Слеза» [10, с. 32].

Вместе с тем сравнение опубликованного М.Н. Розановым текста с машинописью В.А. Меркурьевой позволяет выявить наличие ряда правок, вероятно, внесенных редактором в процессе подготовки издания. Интересно отметить, что правки не

коснулись тех мест, на которые обращал внимание в своем отзыве Д. Мирский, а затронули совсем другие строки, ср.: «Приманят уста или ямка у рта, / Но докажет чувство – Слеза» (В.А. Меркурьева; [11, л. 20]) – «Приманят уста или ямка у рта, / Но чувство докажет – слеза» (издание под ред. М.Н. Розанова; [9, с. 20]); «Где милость легка, там и жалость близка / И росой растворится в Слезе» (В.А. Меркурьева; [11, л. 20]) – «Где доблесть близка, там и милость легка / И росой растворится в слезе» (издание под ред. М.Н. Розанова; [9, с. 20]); «Собрался кто в путь, едва ветру дохнуть, / Атлантики правя волной, / В глубь он взглянет тех вод, где не смерть ли ждет» (В.А. Меркурьева; [11, л. 20]) – «Собрался кто в путь, едва ветру дохнуть, / Атлантики спора с волной, / В глубь взглянет он вод, где не смерть ли ждет» (издание под ред. М.Н. Розанова; [9, с. 21]); «Вы могильную клеть, где мой прах будет тлеть, / Тогда увлажните Слезой» (В.А. Меркурьева; [11, л. 21]) – «Вы могильную клеть, где мой прах будет тлеть, / Увлажните своею слезой» (издание под ред. М.Н. Розанова; [9, с. 21]). Как видим, правки, в основном, касались замены отдельных слов и их перестановки; существенного значения для содержательной стороны перевода они не имели. Также при публикации в перевод был внесен отсутствовавший у В.А. Меркурьевой эпиграф из Томаса Грея: «O lachrymarum fons, tenero sacros / Ducentium ortus ex animo: quater / Felix! in imo qui scatenem / Pectore te, pia Nymphæ, sensit. Gray» [О источник слез, ведущих священное начало из нежной души! Четырежды счастлив, кто почувствовал тебя, благочестивая нимфа, бьющую ключом из глубины груди. Грей]. Отмечая достигнутые Дж. Г. Байроном в «Слезе» «большие успехи <...> в самой технике стихотворства», М.Н. Розанов видел основное достижение переводчицы в удачном воссоздании внутренней рифмы оригинала [см.: 12, с. 377].

В фонде издательства «Academia» в РГАЛИ сохранилось письмо С.В. Шервинского Л.Б. Каменеву (в ту пору являвшемуся директором издательства) от 28 июля 1934 г. с просьбой о содействии В.А. Меркурьевой, нуждавшейся и в работе, и в заработке. Не вступая в полемику с Д. Мирским, С.В. Шервинский акцентировал в письме ту часть его отзыва, в которой с симпатией говорилось об «Оскаре из клана Альва», и отдельно остановился на том обстоятельстве, что основная претензия критика состояла в неактуальности публикации ученических текстов Дж. Г. Байрона, а это не имело прямого отношения к работе В.А. Меркурьевой:

Глубокоуважаемый Лев Борисович, представленные Верой Александровной Меркурьевой переводы из «Часов досуга» Байрона получили хороший отзыв со стороны т. Мирского. Про перевод главной вещи, большой баллады «Оскар Альвский», т. Мирский пишет, что он *превосходен*. В настоящее время, как будто, под сомнение поставлены вообще «Часы досуга» (тот же Мирский их не одобряет, как слишком ученические «стишки» Байрона), а между тем Меркурьева сидит в Москве без всякой работы. Ведь эти 500 строк были, так сказать, испытательными. Испытание выдержано, и я очень ходатайствую, чтобы ей была дана еще поэтическая работа с английского (м. б. она согласится взять и прозу?). Хлопочу об этом я, потому что Меркурьева – большой человек и страдает глухотой. Всегда либо Кочетков, либо я говорим по ее делам. Чем скорее Вы ее нагрузите работой, тем горячее будет моя признательность.

Большой привет!

Всегда Ваш С. Шервинский
28. VII. 34. [13, л. 164–164об.].

Упомянутый в письме С.В. Шервинского поэт и переводчик Александр Сергеевич Кочетков (1900–1953), автор «Баллады о прокуренном вагоне», прозвучавшей в фильме Э.А. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!» и легко вспоминающейся по строке «С любимыми не расставайтесь!», вскоре стал не просто знакомым; с весны 1935 г. В.А. Меркурьева жила с А.С. Кочетковым и его женой в одной комнате на Арбате, угол Смоленской площади, причем А.С. Кочетков тоже активно занимался переводом. Отзвук тех памятных лет сохранился в послании Е.И. Редина «М.И. Слободскому» (<май 1934>), где описаны, в числе прочих, и В.А. Меркурьева «в Байронском плаще» с А.С. Кочетковым, вжившимся в образы переводимого им Расина:

...Отбродивши в мире странном
«Неживых» своих вещей,
ныне Вера Алексанна
ходит в Байронском плаще.

Потеряв наивность линий
и былой румянец щек,
Кочетков в тоске расиньей
«Сен-Бернаром» к нам прибег. [14, л. 18].

Еще один отклик на деятельность В.А. Меркурьевой как переводчицы Дж. Г. Байрона, вероятно, содержится в письме А.Г. и Д.С. Усовых Э.Ф. Голлербаху от 30 декабря 1934 г.: «Одна поэтесса-переводчица говорит, что она мыслит сейчас только пятистопно (переводя в данное время так) <...>» [15, т. 2, с. 661]. В комментарии к письму, составленном Т.Ф. Нешумовой, отмечено, что *пятистопно* – «вероятно, словечко В.А. Меркурьевой, занятой в 1934 г. переводами лирики Байрона» [16, с. 662]. Для такого предположения есть весомые основания, – несколько ранее, 28 января 1933 г., Д.С. Усов в письме Э.Ф. Голлербаху уже знакомил последнего с В.А. Меркурьевой как с его «читательницей и почитательницей», а вместе с тем еще и уникальным человеком, особенно интересным в общении: «В Москве сейчас живет <...> ученица Вяч. Иванова, поэтесса Вера Александровна Меркурьева; стихи ее, м<ожет> б<ыть>, и не весьма замечательны, но сама она – в полной мере то, что немцы называют “*ungangswert*” <ценный в общении. – Д.Ж.>. Мне общение с нею приятно еще потому, что в ней явно ощущается последний осколок школы Вяч. Иванова и, по счастью, без всякой велеречивости, и “завесы тайн”. Весьма определенной и положительной ее чертой является отличный, богатый и сочный русский язык (который скоро, видимо, станет редкостью, наподобие классического образования) – причем в беседах и письмах он выступает еще отчетливее, чем в стихах. Почему я пишу столько о ней *Вам*? А потому что она является усерднейшей Вашей читательницей и почитательницей, интересующейся и Вашей прозой, и Вашими стихами» [15, т. 2, с. 620–621]. Как видим, Д.С. Усов более ценит В.А. Меркурьеву как замечательную собеседницу, нежели как поэта, причем из других его писем проступает подобное отношение к ней и прочих близко знавших ее современников, например, С.В. Шервинского: «<...> о Вере Меркурьевой С<ергей> Ш<ервинский> отозвался, что ее беседа дает многим больше, чем ее стихи. Что стихи чем-то неприятны, что в них есть изыски и выверты и что, несмотря на отличное, глубинное знание русской речи, в них встречаются

безвкусицы и – налет провинциальности» (из письма Д.С. Усова Е.Я. Архипову от 16 июля 1934 г.) [15, т. 2, с. 636–637].

Переводы В.А. Меркурьевой из Дж. Г. Байрона, за исключением «Слезы», так и остались неопубликованными; некоторые из них не изданы и сейчас, когда смотрятся весьма вычурно на фоне более поздних работ других переводчиков, да и на общем фоне творчества самой поэтессы. Приведем тексты двух неопубликованных переводов:

М. С. ДЖ

Если ваша любовь мне приснится во сне,
Простить вы должны этот сон:
Ведь любовь только в грезах дарите вы мне,
В слезах я от грез пробужден.

Благосклонною негой окутай скорей,
О, Морфей, мое бытие,
Тот же сон, что вчера, сегодня навей,
И блаженство небес – мое.

Говорят, будто сон – это смерти брат,
Эмблема в нем нашего тления.
Последний свой вздох оборвать бы я рад,
Если здесь – небес предвкушенья.

Ах, не хмурьте, прелестная, нежную бровь,
Коль слишком я счастлив во сне,¹
Сны греховные тем искупаю я вновь,
Что блаженство – лишь зримо мне.

Улыбнетесь хоть в грезах вы мне, может быть,
Наказан ведь я до избытка:
К сновиденьям ваш образ едва приманить
И проснуться потом – это пытка. [11, л. 17].

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАЙ

Сад жизненный радуют розы любви,
Как ядом их плевелы ни окропляй.
Но время собирает с них жатвы свои,
Навек их срезая последним *прощай*.

Хоть ласками грустное сердце лелей,
Хоть верность ему навсегда обещай,
Но смерть и случайность союза сильней,
И мы разойдемся, с последним *прощай*.

Надежда тоской отягченную грудь
Утешит, «свиданья», – шепнув, – «ожидай».
С мечтою обманчивой легче вздохнуть,
Не слыша отравы в последнем *прощай*.

Вот пара: детьми они вместе росли,
Любовь украшала цветами их май.
Согретые верностью, розы цвели
До зимнего хлада в последнем *прощай*.

Лицо твое, нежная, груди бледней,
О чем эти слезы, скажи, не скрывай.
Что спрашивать! отнят рассудок у ней,
Добычей смятенья в последнем *прощай*.

А этот людей ненавистник – кто он,
Бежавший в леса, в отдаленнейший край?
Там с ветром сливает он жалобы стон,
И горы последнему вторят *прощай*.

О, сердце, где прежде парила любовь,
Владычицей ненависть ныне признай.

¹ В ранней редакции – *Что слишком я счастлив во сне*.

Пылает отчаяньем темная кровь,
Безумная ярость в последнем *прощай*.

Завидует тем он, чьи души как сталь,
Чьи горесть и радость за редкость считай,
Смешна им, чужда, непонятна печаль,
И боль не страшна им в последнем *прощай*.

Жизнь, юность слабеют, надежда ушла.
Напрасно вернуться любовь призывай:
Летит, развернув молодые крыла,
Оставив свой саван в последнем *прощай*.

В ряду испытаний, что жизнью зовут,
Астрея требует выкупа, знай.
За доступ в любви освященный приют
Заплатим сполна мы последним *прощай*.

Колени склонив пред любви алтарем,
На нем кипарисы и мирт расстилай.
В том мирте – эмблема блаженства вдвоем,
Венок кипарисный – в последнем *прощай*. [11,
л. 18–19].

Знакомство с М.Н. Розановым дало истории неожиданное продолжение: после публикации «Слезы» В.А. Меркурьева получила в 1935 г. от государственного издательства «Художественная литература» заказ на книгу переводов П. Б. Шелли. Подобно Шелли, прошедшему испытание одиночеством в семье, с которой впоследствии порвал окончательно, и считавшему поэзию самой верной спутницей общественных перемен, В.А. Меркурьева познала «не только одиночество среди людей, но и одиночество внутри себя» [17, с. 516], будучи смолоду болезненной, страдающей глухотой, нервными приступами, сердечными расстройствами и находя единственный выход в творчестве. В.А. Меркурьевой и раньше были близки мотивы поэзии английского романтика (в частности, в созданном в мае 1918 г. венке сонетов «Облако» М.Л. Гаспаров усматривал параллель с творчеством Шелли в возникающем у поэтессы сравнении поэта и облака: «<...> оно все свое берет из мира и отдает миру, оно без пола (среднего рода), без облика, без голоса, но его голосом говорят и камни, и вода, и ветер» [5, с. 32]), однако теперь он увлек ее с доселе невиданной силой. На горизонте забрезжила перспектива выхода сразу двух книг – переводной и оригинальной («Дикий колос», издание не состоялось). Для В.А. Меркурьевой это обещало долгожданную материальную стабильность, мысль о которой не только тешила душу, но и невольно врывалась в переписку: «Я бы хотела получить все деньги за Шелли, продать свой сборник, раздать все полученные суммы “каждому по потребностям” и – ничего больше не дожидаясь, отойти безболезненно и непостыдно» (из письма Е.Я. Архиппову от 5 августа 1935 г.) [цит. по: 17, с. 530].

Имя П.Б. Шелли стало встречаться в произведениях поэтессы, например, в стихотворениях «на случай», обращенных к С.В. Шервинскому. Так, в постскриптуме к стихотворению «Не в тягость? Цепь? но ведь тогда покорно...», датированному 22 июня 1935 г., поэтесса настойчиво просила у собеседника чернил, что помогут найти «кладезь рифм к Шелли»:

И мой «небрежный карандаш» простите:
В «рабочем кабинете» нет чернил.
Не отольете ли вы нам той влаги? –
Но только не лилово-канцелярской,

Не красно-цензорской, и даже не
Голубоватой – для любовных писем, –
Но черной, черной, как душа злодея,
Иль как печная сажа, иль как ночь
На юге, и надеяться не смея
Найти в ней кладезь рифм к Шелли смочь,
Я ею белые стихи замажу,
С которыми – ведь вот – никак не слажу! [6, с. 478–479].

Когда «Избранные стихотворения» П.-Б.Шелли в переводах В.А. Меркурьевой наконец-то были напечатаны в 1937 г. отдельной книгой (оказавшейся первой и единственной книгой поэтессы, изданной при ее жизни) [см.: 18], в благодарность С.В. Шервинскому на предназначавшемся ему экземпляре была оставлена такая дарственная надпись:

Кто был недаром именован
Шелльвинским в прошлый месяц май,
Когда, застигнут невзначай
И к нашей тачке припнурован,
Стал невпопад опшеллирован –
Пусть за грехи, да через край.

Но если нам в ту бочку дегтя
Хоть ложка меду натекла –
То Ваши дивные дела:
Влит зуд редакторского когтя
В лит-труд со-авторского локтя
И четверть Шеллия – цела. [6, с. 492].

Из этого небольшого экспромта можно понять многое – и то, что издание столкнулось с серьезным редакторским вмешательством, и что из общего числа переведенных текстов в книгу вошла только четверть, и что сама книга стала возможна во многом благодаря недюжинным усилиям С.В. Шервинского, вмешавшегося в издательский процесс. На первый взгляд, общий итог был успешен – тираж книги составил 15 тысяч экземпляров, в нее вошли переводы 6 поэм («Аластор, или Дух одиночества», «Юлиан и Мадала», «Атласская волшебница», «Эллада (лирическая драма)», «Эпипсихидион», «Адонаис. Элегия на смерть Джона Китса») и 33 стихотворений, вступительная статья Д. Мирского и комментарии М.Д. Заблудовского; достойно сожаления лишь то, что в инициалах переводчицы на титульном листе вкралась досадная опечатка – В.А. Меркурьева была названа В.Д. Меркурьевой.

Однако в реальности все обстояло намного сложнее – книга не понравилась очень многим. Г.Г. Шпет писал Н.И. Игнатовой 3 мая 1937 г., сравнивая переводы В.А. Меркурьевой с популярными до революции переводами К.Д. Бальмонта и заодно выражая неприязнь к самому П.Б. Шелли: «Шелли переведен плохо, Бальмонт все же лучше. Впрочем, и самого поэта (т. е. Шелли) я не люблю: непрерывно звучит, так что и подумать ему некогда, – свистун, вроде бестолкового соловья, который хорош, когда его высвистывают, а собрание его собственных сочинений было бы несносно» [19, с. 437]. В отличие от Г.Г. Шпета, находившегося в далеком Томске и отрешенного от активной литературной жизни, В. Александров мог высказаться не только в частном письме, но и в печатном издании – журнале «Литературный критик»: «Какая-то кустарная молотья, цепь, тяпанье тупым топором, – при чем здесь Шелли?» [20, с. 69].

Настоящим «гвоздем в крышку гроба» В.А. Меркурьевой как переводчицы стал отклик на результаты ее работы К.И. Чуковского, вошедший в

знаменитую и многократно переиздававшуюся книгу о художественном переводе «Высокое искусство». Начав со слов о том, что «в переводах Меркурьевой нет пустозвонной бальмонтовщины» [21, с. 65], что их нельзя назвать легковесными в силу достопочтенности и солидности, что переводчица «прилежно выполнила все наиболее строгие требования, предъявляемые к переводу стихов самыми крутыми педантами» [21, с. 66], в том числе эквилинейность, сохранение ритмики подлинника и порядка чередования в нем рифм, К.И. Чуковский вместе с тем подвигнул читателя к неутешительному выводу, что Шелли у В.А. Меркурьевой нет и в помине, что «даже наименее удачные из переводов Бальмонта, которые только что казались тебе такими плохими, в тысячу раз выше буквалистских переводов Меркурьевой» [21, с. 70]. Заботясь прежде всего о формальном соблюдении ритмических схем, В.А. Меркурьева, по наблюдению К.И. Чуковского, превратила великого поэта в «злосчастного зайку, сочинителя неудобочитаемых виршей, которые приходится разгадывать, словно шараду»: «Фразеология такая тугая и сбивчивая, что приходится, словно сквозь колючую проволоку, продираться к смыслу чуть ли не каждой строфы. Именно эта затрудненность, утомительность речи выступает в переводах на первое место как *главное качество* Шелли. Между тем у Шелли этого-то качества никогда не бывало: Шелли один из самых музыкальных поэтов, какие когда-либо существовали на всем протяжении всемирной словесности» [21, с. 66]. К.И. Чуковский упрекал В.А. Меркурьеву в утрате легкой и свободной поэтической дикции, стремлении безжалостно втиснуть стих за стихом в «негибаемые схемы просодии», приводившем к утрате «живого дыхания» подлинника: «Вся книга – сплошная мертвецкая, где в виде обескровленных и бездыханных калек лежат перед вами в неестественных позах те стихи гениального мастера, которые вы с детства любили за их непревзойденную красоту и гармонию» [21, с. 67]. По мнению критика, в своем «служении фетишу эквиритмии и эквилинейности» [21, с. 69] В.А. Меркурьева утратила саму поэтичность стихотворной речи.

Насколько правы были современники В.А. Меркурьевой, негативно оценившие ее первую и единственную книгу? Изменились ли оценки ее переводов в наши дни? М.Л. Гаспаров, внимательно изучавший материалы В.А. Меркурьевой, был убежден, что «перевод получился плох», поскольку «резкий угловатый стиль, к которому пришла в эту пору Меркурьева <...>, мало подходил к нежной лирике Шелли» [17, с. 529]. Совершенно иная и, на наш взгляд, более верная точка зрения была сформулирована Е.В. Витковским: «<...> переводила Меркурьева скорее странно, чем плохо, Шелли в ее исполнении стал чем-то средним между Вячеславом Ивановым и Цветаевой, хотя и лишенным обаяния – как работа явно экспериментальная, забыт этот опыт быть не должен» [22, с. 73]. Именно в ракурсе, предложенном Е.В. Витковским, переводы В.А. Меркурьевой становятся не порождением буквалистских устремлений, а экспериментальным явлением, не понятым современниками. Не понятым так же, как не было понято ими ее оригинальное творчество. И в том, и в другом случае потребовалось время, чтобы осмыслить и оценить сделанное В.А. Меркурьевой сквозь призму ее биографии и особенностей мировосприятия. И теперь, вслед за

оригинальным творчеством, к нам возвращаются переводы поэтессы.

Е.В. Витковский не только дал взвешенную оценку переводам В.А. Меркурьевой, но и приложил усилия для их возвращения к читателям. Как следует из его заметки о поэтессе на Интернет-сайте «Век перевода» «листки» с переводами В.А. Меркурьевой были получены им в свое время от С.В. Шервинского [см.: 23]. Отметим, что С.В. Шервинский не только сохранил материалы, переданные Е.В. Витковскому, но и принимал непосредственное участие в формировании личного фонда В.А. Меркурьевой в РГАЛИ (ф. 2209) в 1961 г. на основе материалов, оставшихся у подруги поэтессы с гимназических времен Е.Я. Рабинович; тем самым нужно сказать, что возвращение забытой поэтессы В.А. Меркурьевой стало во многом возможным благодаря С.В. Шервинскому. В 1998 г. на страницах составленной Е.В. Витковским антологии мировой поэзии в русских переводах XX в. «Строфы века – 2» увидел свет перевод В.А. Меркурьевой из Дж.Г. Байрона «К Мэри при получении ее изображения» [22, с. 73]. При сравнении машинописи В.А. Меркурьевой в фонде издательства «Academia» с публикацией, осуществленной Е.В. Витковским, обнаружились небольшие разночтения в четвертой и шестой строфах, свидетельствующие о том, что перед нами две редакции перевода. Считая опубликованный вариант более удачным, все же приведем указанные разночтения: «Здесь вижу я их цвет – но нет / Того луча, что там мерцают, / Дарил их сини блеск и цвет, / Как бы луна с волной играя» [11, л. 25] – «Здесь вижу я их цвет – но нет / Того луча, что там мерцал, / Дарил их сини блеск и цвет, / Как месяц на волне играл» [12, с. 73]; «Дала, страшась измен мечты, / Боясь, что время угасит страсть, / Не зная, как ее черты / Хранят над всеми чувствами власть» [11, л. 25–26] – «Дала, страшась измен мечты, / Боясь, что время гасит страсть, / Не зная, как ее черты / Хранят над всяким чувством власть» [12, с. 73].

Персональная страница Веры Меркурьевой на Интернет-сайте «Век перевода» содержит несколько образцов переводческой деятельности поэтессы, причем, наряду с опубликованными переводами из Дж.Г. Байрона «К Мэри при получении ее изображения» и из П.Б. Шелли «Увещание» (впервые напечатано в издании 1937 г.; [см.: 18, с. 166–167]), там можно познакомиться с непечатавшимися ранее переводами двух байроновских произведений – «Изменившей» и «Оскар из клана Альва» [23]. К сожалению, в тексте «Оскара из клана Альва» на «синей странице» В.А. Меркурьевой были допущены многочисленные неточности, явные опечатки, а также элементы осовременивания перевода (*плэд* заменен *пледом*, слово *бог* написано не со строчной, как у В.А. Меркурьевой, а с прописной буквы и т. д.), что поднимает вопрос о необходимости новой публикации. В переводе стихотворения «Изменившей», помещенном на сайте, есть два разночтения с архивной машинописью, не имеющих принципиального значения и, вероятно, связанных с последующим редактированием текста самой переводчицей или С.В. Шервинским: «Найти, увы! во многих мя / То, что в тебе одной искало» [11, л. 23] – «Найти, увы! во многих мя / То, что в тебе одной лежало» [23]; «Но ряда лет, что был смятен / Забав докучных страшной властью, / Непостоянства, страха жен, / Безумных песен в лад со страстью» [11, л. 24] – «Но ряда лет, что был смя-

тен / Забав докучных страшной властью, / Непостоянства, страха жен, / Безумства песен в лад со страстью» [23].

Среди произведений П.Б. Шелли, переводы которых вошли в издание 1937 г., следует отметить перевод знаменитой «Оды западному ветру», в которой образ ветра предстает как символ вечной изменчивости природы и общества и олицетворяет будущее изменение мира. Ветер, знаменующий осень, гонит крылатые семена к зимнему пристанищу, где их вернет к жизни весна: «O wild West Wind, thou breath of Autumn's being, / Thou, from whose unseen presence the leaves dead / Are driven, like ghosts from an enchanter fleeing, / Yellow, and black, and pale, and hectic red, / Pestilence-stricken multitudes: O thou, / Who chariotest to their dark wintry bed / The winged seeds» [24, p. 13] [О, дикий ветер, будучи дыханьем осени, ты, от невидимого присутствия которого увядшие листья как призраки уносятся от чародея, желтые, черные, светло-красные и багровые, пораженные чумой: о, ты, кто гонит к темному зимнему ложу крылатые семена] – «О, дикий Ветер с Запада! Ты, вея, / Срываешь Листья, и они летят, / Как призраки бегут от чародея; / В них – черных, желтых, красных – будто яд / Губительный, дыхание чумы; / И семена заносишь ты, крылат, / Уснуть на ложе сумрачной зимы» [18, с. 164]. Очевидно, с целью усиления эффекта стремительности падающих листьев и достижения лучшей рифменной организации переводного произведения В.А. Меркурьева вводит сравнение «будто яд», отсутствующее в английском оригинале. П.Б. Шелли восхваляет природу, поражается её разрушительной и созидательной силе при помощи противопоставления «Destroyer and Preserver» [24, p. 13], переведенного В.А. Меркурьевой как «губитель и хранитель» [18, с. 164].

В дальнейшем, перенося акцент на чувства лирического героя, П.Б. Шелли отождествляет его с ветром, но сознает, что человеческие возможности ограничены, и потому к ветру обращена просьба: «Oh, lift me as a wave, a leaf, a cloud! / <...> / Scatter, as from an unextinguish'd hearth / Ashes and sparks, my words among mankind!» [24, p. 14] [О подними меня как волну, листок, пепел и искры, мои слова среди человечества!] – «Как лист, волну и облако иль дым – / Возьми меня! <...> / <...> / Развей мои слова на целый свет, / Как искры и золу из очага» [18, с. 166]. Как видим, русской переводчице удалось достаточно точно воссоздать направленный к ветру призыв; исключение составляет лишь избыточный мотив золы в очаге, не соответствующий подлиннику, в котором очаг остается не потушенным, символизируя накал страстей и пыл героя, устремленного к переменам. Отождествляя себя с ветром, английский поэт выражает ставшую близкой В.А. Меркурьевой мысль о том, что поэзия содействует нравственному совершенствованию человека на любом этапе его развития и является его самой верной спутницей на протяжении всей жизни.

Вдохновленная выходом собственной книги, В.А. Меркурьева подала новую заявку в издательство – в этот раз она собиралась переводить Роберта Браунинга. «Вот где был бы уместен этот <резкий угловатый> стиль!» [17, с. 529] – восклицает М.И. Гаспаров, предполагая, что в данном случае В.А. Меркурьеву могла ждать переводческая удача. Однако Р. Браунинг, вроде бы совсем недавно представленный интереснейшей подборкой переводов

М.Н. Гутнера, Т.М. Левита, В. Исакова, В.С. Давиденковой, Е.Г. Полонской в «Антологии новой английской поэзии» (1937) [см.: 25, с. 27–63], издательство не заинтересовало. Обыденность потекла своим мутным потоком, заполнившись человеческим общением и густым табачным дымом – характерными приметами бытия поэтессы. Е.Я. Архиппов, с содроганием думавший о самой возможности возвращения В.А. Меркурьевой во Владикавказ, где она вынуждена была бы, не имея своей жилплощади, поселиться у него, еще в январе 1933 г. писал Д.С. Усову, что не выносит связанных с В.А. Меркурьевой «чудовищного табачного дыма и бесконечных и многочисленных посещений» [26, с. 186]. Образ курящей В.А. Меркурьевой чуть позже возник в новогоднем экспромте Д.С. Усова («Если б не курило, / нам было б слаще / с Верой Меркурьевой / видеться чаще» («<Вере Меркурьевой>», 1 января 1935) [15, т. 1, с. 222]), а затем – десятилетия спустя – в стихотворении Е.А. Евтушенко: «Вот как, Вера Меркурьева, / занесла вас неладная – / до бродяжьего курило / от церковного лада» [27].

После начала Великой Отечественной войны, оказавшись в эвакуации в Ташкенте, В.А. Меркурьева начала перевод «Раскованного Прометея» П.Б. Шелли. Увы, в лихое военное время у этого перевода не было никаких перспектив – он был заброшен в самом начале; черновой автограф, относящийся к 1942 г. сохранился в фонде В.А. Меркурьевой в РГАЛИ [см.: 28, л. 1–14]. Поэтессу начинают одолевать депрессия и апатия; пытаются найти ту соломинку, за которую можно зацепиться, чтобы остаться в этом мире, 8 декабря 1942 г. она пишет отчаянное письмо К.И. Чуковскому, «понятливому, <...> насмешливому и нежному» [цит. по: 17, с. 537], чувствуя с ним какое-то родство души, но в ответ получает от него не менее острый вопль отчаяния: «Я ведь загнанная кляча, у меня на “издвении” огромная семья, и я каждый день должен с утра до ночи халтурить, заниматься постылой поденщиной, чтобы завоевать для нее и для себя еще один такой же бессмысленный день жизни» (письмо К.И. Чуковского В.А. Меркурьевой от 16 декабря 1942 г.) [29, с. 337]. К.И. Чуковский, задушенный собственным бытом, не понял В.А. Меркурьеву, оказавшуюся на грани между жизнью и смертью. Она снова пишет ему отчаянное письмо: «<...> если Вы не увидели моей катастрофы, значит, Вам дела нет до меня. А почему ему быть-то? <...> Никогда никого не молила, Вас умоляю и верю, дойдет до вас мольба» (письмо В.А. Меркурьевой К.И. Чуковскому от 30 января 1943 г.) [цит. по: 17, с. 539]. Ответа не последовало. В.А. Меркурьева скончалась 20 февраля 1943 г. в Ташкенте, могила ее утеряна.

В наши дни, когда В.А. Меркурьева как поэтесса обрела заслуженную известность, имеет смысл полная публикация всех ее переводов из Дж. Г. Байрона, как тех, что до сих пор были известны лишь в виде архивных документов («М.С.Дж.» («Если ваша любовь мне приснится во сне...»), «Последнее прощай»), так и тех, что печатались в разные годы («Слеза», «К Мэри при получении ее изображения»), либо размещались в Интернете («Оскар из клана Альва», «Изменившей»): именно вместе, представ как единое целое, эти переводы позволят создать впечатление об особенностях переводческой манеры В.А. Меркурьевой, проявившихся при трактовке байроновских про-

изведений. Может представлять интерес и публикация переведенного В.А. Меркурьевой и сохранившегося в РГАЛИ начального фрагмента «Раскован-

ного Прометея» П.Б. Шелли, способная уточнить понимание подходов русской поэтессы-переводчицы к осмыслению поэзии этого английского автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вера Меркурьева. Из литературного наследия / вступ. ст. и публикация М.Л. Гаспарова // Октябрь. – 1989. – №5. – С. 149–159.
2. Гаспаров, М.Л. Вера Меркурьева – неизвестная поэтесса круга Вяч. Иванова [Текст] / М.Л. Гаспаров // Vjačeslav Ivanov – Russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beitrge des IV. Internationalen Vjačeslav Ivanov Symposiums, Heidelberg, 4–10 September 1989 / hrsg. W. Potthoff. – Heidelberg : Universittsverlag C. Winter, 1993. – S. 113–126.
3. Гаспаров, М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943): стихи и жизнь [Текст] / М.Л. Гаспаров // Лица : биографический альманах. – Вып. 5. – М.; СПб. : Феникс, 1994. – С. 5–97.
4. Гаспаров, М.Л. «Мирьядами зеркал мой образ отражая...» (Вячеслав Иванов и Вера Меркурьева: несколько дополнений к статье К.Г. Петросова) [Текст] / М.Л. Гаспаров // Europa Orientalis. – 1998. – Vol. XV (2). – P. 97–102.
5. Гаспаров, М.Л. (при участии С.Ю. Мазура). Меркурьева Вера Александровна [Текст] / М.Л. Гаспаров // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. – М. : Большая российская энциклопедия ; Фанит, 1999. – Т. 4. – С. 31–32.
6. Меркурьева, В.А. Тщета : собрание стихотворений [Текст] / В.А. Меркурьева; составление, подготовка текста и примечания В.А. Резвого. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 608 с.
7. Мирский, Д. (Святополк-Мирский Д.П.). О литературе и искусстве : статьи и рецензии 1922–1937 [Текст] / Д. Мирский ; составление, подготовка текстов, комментарии, материалы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. ст. Дж. Смита. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 616 с.
8. Мирский, Д. Байрон, из книги «Часы досуга», перевод В. Меркурьевой [Текст] / Д. Мирский // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 629. – Оп. 1. – Ед. хр. 16. – Л. 162.
9. Байрон, Дж. Г. Слеза (The Tear, 26 октября 1806 г.) [Текст] / Дж. Г. Байрон // Байрон Дж. Г. Избранные произведения в одном томе / под ред. М.Н. Розанова. – М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1935. – С. 20–21.
10. Байрон, Дж. Г. Слеза [Текст] / Дж. Г. Байрон // Байрон Дж. Г. Лирика и сатира / под ред. М.Н. Розанова. – М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1935. – С. 32–33.
11. Меркурьева, В.А. Переводы из Дж. Г. Байрона («Часы досуга») [Текст] / В.А. Меркурьева // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 629. – Оп. 1. – Ед. хр. 338. – Л. 3–26.
12. Розанов, М.Н. Комментарии [Текст] / М.Н. Розанов // Байрон Дж. Г. Избранные произведения в одном томе / под ред. М.Н. Розанова. – М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1935. – С. 375–427.
13. Шервинский, С.В. Письмо Л.Б. Каменеву от 28 июля 1934 г. [Текст] / С.В. Шервинский // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 629. – Оп. 1. – Ед. хр. 16. – Л. 164–164об.
14. Редин, Е.И. М.И. Слободскому [Текст] / Е.И. Редин // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 2209. – Оп. 1. – Ед. хр. 16. – Л. 18.
15. Усов, Д.С. «Мы сведены почти на нет...» : в 2 т. [Текст] / Д.С. Усов ; сост., вступ. статья, подготовка текста и комментарии Т.Ф. Нешумовой. – М. : Эллис Лак, 2011. – Т. 1–2.
16. Нешумова, Т.Ф. Комментарий к письму А.Г. и Д.С. Усовых Э.Ф. Голлербаху от 30 декабря 1934 г. [Текст] / Т.Ф. Нешумова // Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...» : в 2 т. / сост., вступ. статья, подготовка текста и комментарии Т.Ф. Нешумовой. – М. : Эллис Лак, 2011. – Т. 2. – С. 662.
17. Гаспаров, М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь [Текст] / М.Л. Гаспаров // Меркурьева В.А. Тщета : собрание стихотворений / составление, подготовка текста и примечания В.А. Резвого. – М. : Водолей Publishers, 2007. – С. 499–541.
18. Шелли, П.Б. Избранные стихотворения [Текст] / П.Б. Шелли; под ред. М.Н. Розанова; пер. с англ. В. Меркурьевой, вступ. статья Д. Мирского, комментарий М. Заблудовского. – М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1935. – 236 с.
19. Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / комментарии, археографическая работа и вступ. статья Т.Г. Щедриной. – М. : РОССПЭН, 2005. – 720 с.
20. Александров, В. Шелли и его редакторы [Текст] / В. Александров // Литературный критик. – 1937. – №8. – С. 56–82.
21. Чуковский, К.И. Высокое искусство [Текст] / К.И. Чуковский // Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. / сост. и комментарии Е.Ц. Чуковской. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – Т. 3. – С. 3–370.
22. Стифы века – 2 : антология мировой поэзии в русских переводах XX века / сост. Е.В. Витковский. – М. : Полифакт, 1998. – 1192 с.
23. <Витковский, Е.В.>. Вера Меркурьева : <вступительная заметка на Интернет-сайте «Век перевода»>; Байрон Дж. Г. К Мэри при получении ее изображения; Изменившей; Оскар из клана Альва; Шелли П.Б. Увещание / переводы В.А. Меркурьевой // <http://www.vekperevoda.com/1855/merkur.htm>.
24. Shelly, P.B. Complete Poetical Works. – L. : G.M. Matthews, 1970. – 412 p.
25. Браунинг, Р. Как привезли добрую весть из Гента в Ахен / пер. М.Н. Гутнера; Токай; Потерянная возлюбленная / пер. Т.М. Левита; Встреча ночью; Расставание утром / пер. В. Исакова; Токката Галуши / пер. Т.М. Левита; Моя звезда / пер. В.С. Давиденковой; Серенада на вилле / пер. Т.М. Левита; Мемогабилла / пер. В.С. Давиденковой; Первый флейтист из Гаммельна / пер. Е.Г. Полонской; Похороны грамматика; Трагедия об еретике / пер. М.Н. Гутнера; Возлюбленный Порфирии; «Роланд до Замка черного дошел» / пер. В.С. Давиденковой; Епископ заказывает себе гробницу в церкви святой Пракседы / пер. Т.М. Левита // Антология новой английской поэзии / вступ. ст. и комментарии М.Н. Гутнера. – Л. : Государственное издательство «Художественная литература», 1937. – С. 27–63.
26. Хранитель, Е.Я. Архиппов. Письма к Д.С. Усову / подготовка текста, примечания и вступительная заметка Т.Ф. Нешумовой // Волга. – 2009. – № 9–10. – С. 153–208.
27. Евтушенко, Е.А. «Вот как, Вера Меркурьева...» [Электронный ресурс] / Е.А. Евтушенко // <http://www.newizv.ru/culture/2008-01-25/83250-zhenshina-iz-plemeni-nepravdopodobnyh.html>.

28. Меркурьева, В.А. Раскованный Прометей. Начало перевода пьесы П.Б. Шелли : [черновой автограф; 1942] // РГА.ЛИ. – Ф. 2209. – Оп. 1. – Ед. хр. 24. – Л. 1–14.
29. Чуковский, К.И. Письмо В.А. Меркурьевой от 16 декабря 1942 г. // Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. / общая редакция, подготовка текстов и комментарии Е.В. Ивановой и Е.Ц. Чуковской. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – Т. 15. – С. 337–338.